

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 3
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья
УДК 81-26
ББК 6/8-80/84-81
DOI 10.18522/1995-0640-2024-3-52-61

ХУДОЖЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНЦЕПТЫ В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Любовь Георгиевна Чапаева

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли некоторых значимых концептов семантического поля *религия* в реализации автором художественных задач. В рамках художественного текста не только возникают индивидуально-авторские концепты, аккумулирующие образность произведения, но и общекультурные концепты расширяют свое содержание, приобретают новые смыслы благодаря общей метафоричности такого текста. Но специфика художественного текста, на наш взгляд, в том и состоит, что почти любая лексема может приобретать концептуальное значение как часть авторской концептосферы. А концептосфера романа «Тихий Дон» необычайно богата. В статье анализируется небольшой набор лексем, вербализующих основной концепт *религия* с точки зрения их семантики и контекстуальных значений. Довольно точно Шолохов показал, что религия в жизни казака имеет скорее бытовой характер: соблюдение привычных формул, обрядов, праздников мало соотносится с поистине христианским поведением, тем не менее лексем, реализующие концепт *религия*, – *вера, церковь, колокольня, колокольный звон* – играют огромную роль как в описании мироощущения героев, так и в развитии сюжета, служат своеобразными маркерами меняющейся художественной картины мира в романе.

Ключевые слова: Шолохов, «Тихий Дон», концепт, вера, художественная картина мира

Для цитирования: Чапаева Л. Г. Художественно значимые религиозные концепты в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 52–61.

Original article

ARTISTICALLY SIGNIFICANT RELIGIOUS CONCEPTS IN THE NOVEL BY M.A. SHOLOKHOV “AND QUIET FLOWS ON DON”

Lyubov G. Chapaeva

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of the most frequent concepts of the semantic field of religion in the author's implementation of artistic tasks. It has been revealed that within the framework of an artistic text, not only individual author's concepts arise that accumulate the imagery of the work, but also general cultural concepts expand their content and acquire new meanings due to the general metaphorical nature of the artistic text. But the specificity of a literary text, in our opinion, lies in the fact that almost any lexeme can acquire conceptual meaning as part of the author's conceptual sphere. The conceptual sphere of the novel is unusually rich. The article analyzes a small set of lexemes that verbalize the main concept of the thematic group religion from the point of view of their semantics and contextual meanings. Sholokhov showed quite accurately that religion in the life of a Cossack has, rather, an everyday character: observance of familiar formulas, rituals, holidays has little

correlation with truly Christian behavior, however, the most lexemes that implement the concept of religion are faith, church, bell tower, bell ringing – play a huge role both in the characterization and attitude of the characters and in the development of the plot, serving as unique markers of the changing artistic picture of the world in the novel.

Key words: *Sholokhov, “And Quiet Flows on Don”, concept, faith, artistic picture of the world*

For citation: *Chapaeva L.G. Artistically significant religious concepts in the novel by M.A. Sholokhov “And Quiet Flows on Don”// Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 3. P. 52–61.*

Введение

К настоящему моменту выполнено огромное количество исследований в области концептологии, и чуть ли не в каждом из них предлагается собственное понимание концепта [Бабушкин, 1996; Воркачев, 2001, 2007; Карасик, 1996, 2012; Маслова, 2016; Попова, Стернин, 2007; Степанов, 1997].

Не вдаваясь в споры и не претендуя на новое теоретическое осмысление *концепта*, заметим лишь, что, понимаемая как некий сложный ментальный комплекс, имеющий вербальное выражение, эта единица исследования удобна при анализе мировоззренческих и многоплановых лингвокультурологических явлений. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997, с. 43]. В работах В. А. Масловой *концепт* тоже определяется как образование, которое обладает культурной и языковой спецификой, отражает ментальные представления языковой общности [Маслова, 2012, 2016].

В русистике существует понятие художественного концепта, который может быть обусловлен авторскими интенциями или быть частью национальной картины мира в художественном воплощении. Например, Л. В. Миллер понимает концепт как сложное образование, свойственное индивиду (в данном случае – автору художественного текста), но и одновременно принадлежащее определенному этнокультурному сообществу [Миллер, 2000]. В частности, концепт *вера* она относит к чувственным, имеющим этнокультурные особенности. И. А. Тарасова отмечает, что лингвистически понимаемый художественный концепт пересекается с литературоведческим, только тогда обычно речь идет об образах, символах, аллюзиях, с ними связанных. На наш взгляд, при анализе художественного текста концепт словно вырастает из словесного образа, а тот, в свою очередь, из ключевого слова, вокруг которого формируются словесные ряды различного типа. Признаки и объем национально-культурного, этнокультурного концепта могут не совпадать с художественным, так как в данном случае присутствует еще и индивидуально-авторская составляющая [Тарасова, 2010, 2017].

Цель статьи заключается в выявлении роли наиболее выразительных концептов, относящихся к семантическому полю *религия*, в реализации автором художественных задач. *Объектом* исследования послужил текст романа М. А. Шолохова «Тихий Дон», *предметом* – концепты, так или иначе относящиеся к религиозной сфере и раскрывающие ее семантическое наполнение.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в рамках художественного текста не только возникают индивидуально-авторские концепты, аккумулирующие образность произведения, но и общекультурные концепты

расширяют (или сужают) свое содержание, приобретают новые смыслы благодаря общей метафоричности такого текста.

Достаточно подробно именно концепт *религия* (не *вера*) в русском языке описан Е. В. Сергеевой, которая, в частности, замечает, что в Русском ассоциативном словаре «примерно половина реакций на слово *религия* связана с ядерными семами 'вера' и 'богопочитание': вера, христианство, христианская, церковь, Бог, Христос и т. д., что указывает на их устойчивые связи для современной языковой личности. Более того, большинство реакций относятся к религиозной лексике, что закономерно: Библия, исповедь, иудаизм, католик, крест, Пасха, храм и т. д.» [Сергеева, 2007, с. 156]. Кроме того, исследовательница подчеркивает, что соотношение концептов *религия* и *вера* требует серьезного осмысления, так как «по-видимому, АСП (ассоциативно-семантическое поле. – Л. Ч.) концепта "Вера" в значительной мере совпадает с АСП концепта "Религия"» [Сергеева, 2007, с. 152].

Религиозные мотивы в творчестве М. А. Шолохова достаточно подробно исследованы литературоведами [М. А. Шолохов и православие, 2013; Сатарова, 2016; Чалова, 2007]. В частности, А. В. Бирюкова анализирует лингвистические средства отражения картины мира казачества, а также языковые единицы с морфемами *бог-*, *господ-*, *христ-*, *крест-*, *мол-*, *вер-*, *церков-*/*церкв-*, *икон-*, *образ-* и некоторые другие [Бирюкова, 2020].

Единицы, формирующие концепт *религия*

В небольшой статье невозможно охватить все аспекты затронутой темы, включающей как многослойные и ассоциативно наполненные концепты, так и частные, конкретные лексемы, реализующие микроконцепты: *религия* – *вера* – православие – церковь ('организация' и 'дом, здание') – колокольня – часовня – иконы-образа – крест – обряд ('поведение в быту', 'службы', 'праздники') – жизнь в церковном годовом круге и т. д. Таким образом, ядерный концепт и составляющие его микроконцепты (каждый из которых тоже может стать ядерным для другого круга лексем) можно представить в виде матрешки, почти не исчисляемой.

Опираясь на работы лингвокультурологов, Е. В. Сергеева полагает, что при анализе любого концепта следует обращать внимание на «1) семантическую структуру и этимологию слова-номинанта концепта, 2) синтагматические, парадигматические и деривационные связи этой лексической единицы как наиболее значимой для вербализации анализируемого ментального комплекса, 3) набор, количество и семантику лексем, вербализующих концепт, причем значимость какой-либо составляющей анализа концепта определяется прежде всего спецификой этого концепта» [Сергеева, 2007, с. 157].

Вера. Рассматривая религиозные концепты в художественном тексте, а конкретно – в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон», сразу же следует оговориться, что в тексте романа ни слово «религия» (как заглавный концепт определенной группы), ни его дериваты не встречаются. Тем не менее очевидно, что сам имплицитный концепт представлен как ядерными, так и периферийными микроконцептами. Наиболее близким к нему концептом является *вера*, и отношения между ними достаточно сложны, а их ассоциативно-семантические поля включают множество лексем. Кроме того, разными учеными предлагается различная их иерархия по отношению друг к другу: *религия* входит в концепт *вера* или наоборот, т. е. *религия* воспринимается подчиненно к концепту *вера* или как самостоятельный концепт, не имеющий отношения к концепту *вера* [Степанов, 1997]. На наш взгляд, *вера* может рассмат-

риваться и как самостоятельный концепт, и как микроконцепт более объемного концепта *религия*, поскольку, с одной стороны, предполагает убежденность в существовании Бога, с другой – обозначает конкретное вероисповедание. См. в словарях: вера: «1. Убежденность, глубокая уверенность в ком-чем-н. *Вера в победу; Вера в людей*. 2. Убежденность в существовании бога, высших божественных сил. *Вера в Бога*. 3. То же, что вероисповедание. *Христианская вера. Человек иной веры*» [Ожегов, Шведова, 1999, с. 74]. Ср.: религия: «1. Одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся **на вере в сверхъестественные силы** <...>. 2. Одно из направлений такого общественного сознания (буддизм, ислам, христианство). 3. *перен.* Сложившиеся непоколебимые убеждения, безусловная преданность какой-н. идее, принципу, нравственному закону, ценности» [Ожегов, Шведова, 1999, с. 675]. Очевидна семантическая близость этих двух концептов религиозной сферы. «В “Тихом Доне” встречается всего 25 контекстов со словом *вера*, 14 из которых связаны с религией (однако в двух из них слово используется только как образ – вера здесь предстаёт в качестве идеи)» [Бирюкова, 2020, с. 88].

Для М. А. Шолохова характерно органичное включение православной традиции в художественное повествование, весь казачий быт пронизан ею: в каждом курене – иконы (образа), при любом действии казаки не забывают перекреститься, речь полна выражений религиозно-бытового характера («С богом», «Царица небесная», «Христос с тобой», «Ради Христа», «Ну, спаси Христос»). А. В. Бирюкова отмечает, что «в романе “Тихий Дон” выявлено 339 устойчивых единиц с корнями *бог-, господ-, христ-*» [Бирюкова, 2020, с. 15].

Общеизвестно, что для казачества православие – главный стержень этнологического сознания. Наиболее ярко эта мысль выражена в словах священника (хотя речь и идет о русском народе в целом): «*Вот и еду в полковые духовники. Русский народ не может без веры. И год от году, знаете ли, вера крепнет. Есть, конечно, такие, что отходят, но это из интеллигенции, а мужик за бога крепко держится*» [Шолохов, т. 2, 1956, с. 339].

В первых трех книгах лейтмотивом звучит старинная песня о православном Доне, своеобразный казачий гимн: «*В вагонах – те же разговоры, песни, чаще всего: Всколыхнулся, взволновался // Православный тихий Дон. // И послушно отозвался // На призыв монарха он*» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 262]. «*Перед уходом пели “Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон”, допивали десятый самовар, под звон стаканов шуточные произносились тосты*» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 112]. И, наконец, эту песню слышит Пантелей Прокофьевич [Шолохов, 1957, т. 4, с. 19]. Православная вера для казака «своя», «наша», это важная характеристика казачьего этноса, без нее нет казака, как без Донской земли, без донской воли; за нее можно и жизнь отдать: «*А из года в год степь донская, наша матушка, // За пречистую мать богородицу, да за веру свою православную, // Да за вольный Дон, что волной шумит, в бой звала со супостатами...*» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 113]. Служба казачья укладывается в триединую формулу: «*Решил твердо: иду за “веру, царя и отечество”*» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 318]. Преданность монархии, служба русскому царю – впитанное с молоком матери осознание своей важной роли в государстве – выражается фразеологизмом «верой-правдой»: «*Царю верой-правдой служим, // По своим жалмеркам тужим*» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 93].

Отношение к вере серьезное именно у стариков. На хуторе Ея дряхлый старик предлагает казакам списать «охранную» молитву и на ироничное замечание Степана отвечает: «*Ты, молодец, не веруешь, так молчи! <...> Ты людям*

не препятствуй и **над верой** не насмехайся. Совестно так-то и грех!» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 277]. Именно о таком отношении к вере русского человека писал В. В. Розанов: «Русские люди, как в молодом возрасте, так и в летах возмужалости, когда силы жизни берут верх над смертными началами в человеке, когда практические нужды, служба, работа приковывают ум к реальной жизни, – мало посещают церковь, подсмеиваются над церковью, религиею, даже иногда отрицают Бога. Но это – возраст, годы. Самое существо “веры русской” (так называют иногда православие; но “вера русская”, очевидно, шире этого церковного термина) не молодо, не юно и даже не возмужало» [цит. по: Степанов, 1997, с. 391]. Яркий пример подобного «перерождения» – дед Гришака, не расстающийся на старости лет с Библией, а молодой Григорий после разговора с ним размышляет: «*И вот сроду люди так, – думал Григорий, выходя из горенки. – Смолоду бесуются, водку жрут и к другим грехам прикладываются, а под старость, что ни лютей смолоду был, то больше начинает за бога хорониться. Вот хучь бы и дед Гришака. Зубы – как у волка. Говорят, молодым был, как пришел со службы, все бабы в хуторе от него плакали, и летучие и катучие – все были его. А зараз... Ну уж, ежели мне доведется до старости дожить, я эту хреновину не буду читать! Я до библиев не охотник*» [Шолохов, 1957, т. 4, с. 300]. Вероятно, позиция Григория объясняется не только его молодостью, но и тем, что в меняющемся мире религия отходит на второй, а то и третий план.

«Не нашей» православная вера воспринимается казаками у русских мужиков, тех же православных, но отступивших от истинной веры: «*Ведь не позволим же мы, чтобы мужики обещивали наших жен и сестер, чтобы глумились они **над нашей православной верой**, надругивались над святыми храмами, грабили наше имущество и достояние...*» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 341].

Православие находится в непримиримой оппозиции к иному, даже близкому вероисповеданию: «– *У вас тут не **старовиры?** – Не, **православные**... А вы кто такие будете?*» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 324]. Такова же позиция и самих староверов, отрицающих православие по никонианскому обряду как еретическое: «*И этот князь спуцался с Воронежу с солдатами и разорял казачьи городки за то, что не хотели **никонскую поганую веру** примать и под царя идтить*» [Шолохов, 1957, т. 4, с. 256].

Вера – не только богопочитание и вера в Бога, но и вера в идеалы, миропорядок (см. третье значение слова «религия»). И здесь измена или перемена веры – серьезное прегрешение: «*Начальник штаба <...> – В наше время даже среди офицерского состава большинство двурушников. Ничего нет легче, как **переменить веру**, а то и двум богам молиться... – горько закончил начштаба*» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 99]. В этом же значении – ‘сложившиеся непоколебимые убеждения, безусловная преданность какой-н. идее, принципу’ – встречается и словосочетание *красная вера*: «*Ты... кажется, принял **красную веру?***» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 254].

Церковь. Одним из важных художественных концептов, входящих в концепт *религия*, в тексте романа оказывается и *церковь*: «<...> 2. Православный храм» [Ожегов, Шведова, 1999, с. 875]. А. В. Бирюкова указывает на то, что словоформы с корнем *церк-* в романе достаточно частотны (88) [Бирюкова, 2020]. Понятно, что в нейтральном употреблении это слово вряд ли можно рассматривать как общекультурный концепт, хотя оно входит в ассоциативное поле концепта *религия* и концепта *вера* как место отправления религиозных обрядов. Но специфика художественного текста, на наш взгляд, в том и

состоит, что почти любая лексема может приобретать концептуальное значение как часть авторской концептосферы.

Церковь как храм – центр жизни казачьей станицы и большого хутора. Она и стоит на главной площади, возле нее, в ней происходят все знаменательные события жизненного пути казака: крещение, причастие, свадьба, отпевание, ежедневные церковные службы, сходы по разным поводам, отправка на службу и т. д.: «...убедившись в том, что смуглый турковатый мальчонок выживет, понесли **в церковь, окрестили**» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 12]. «Через час Григорий стоял **в церкви** рядом с похорошевшей в сиянии свечей Натальей...» (венчание) [Шолохов, 1956, т. 2, с. 104]. О величине хутора и его значительности говорит наличие или отсутствие церкви: « – *Большой ваш хутор? <...> – Церковь есть? – А как же, есть*» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 136].

В восьмой части романа та же церковь в родном хуторе Григория становится одним из символов разрушения прежней жизни, символом утраты веры и православных традиций, а сама лексема перерастает в важный художественный концепт: «*На площади <...> полуразрушенная церковная ограда зияла проломами <...> Церковь стояла по-прежнему маленькая, вросшая в землю. Давно не крашенная крыша ее золотилась ржавчиной, стены пестрели бурными подтеками...*» [Шолохов, 1957, т. 5, с. 373].

Колокольня. Своеобразным топографическим и временным ориентиром выступает в романе колокольня («башня с колоколами на здании церкви или у церкви» [Ожегов, Шведова, 1999, с. 284]): «*На заре <...>, потонули в непроглядной белесой дымке курганы, буераки, станицы, **шпили колоколен, устремленные ввысь вершины пирамидальных тополей***» [Шолохов, 1957, т. 5, с. 297]. При этом образ сопрягается и с растительной сферой, и с животно-натуралистической: она похожа то «*на беленький **стручок далекой колокольни***» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 50], то на «*белый **обглоданный мосол***» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 116].

Колокольный звон – то веселый, то тревожный – служит звуковым фоном романа: «*Над хутором Базки таял трубный дым, тонко **отзванивал колокол***» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 166]. После попытки самоубийства Натальи «размеренные» удары колокола «сыпались» как неотвратимость несчастья [Шолохов, 1956, т. 2, с. 212]. Не только церковные праздники, но и ожидание важных гостей сопровождается колокольным звоном: когда ждут генерала Секретева, плывет «*над Доном **радостный колокольный трезвон двух вешенских церквей***» [Шолохов, 1957, т. 5, с. 42], и когда ждут своих вешенских казаков Наталья с Ильиничной. Но колокольный звон может быть «назойливым» и «надсадным»: «*Надсадный **звон колоколов** на минуту смолк, и есаул, шевели бровями, вкрадчиво спросил...*» [Шолохов, 1957, т. 5, с. 54].

Колокольный звон подчас становится своеобразным участником событий в романе. «*Говорили все сразу, спеша, с минуты на минуту ждали **сполошного звона***» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 332]. И вот этот набатный звон наконец раздастся, звучит тревожно и угрожающе, не оставляя времени на размышления: «*“**Дон-дон-дон-дон!**” – сорвалось с **колокольни** и залило площадь, улицы, проулки; над бурой гладью полой воды, над непросохшими меловыми мысами горы звон пошел перекатом, в лесу рассыпался на мелкие, как чечевица, осколки, – стена, замер. И еще раз – уже **безостановочно и тревожно: “дон-дон-дон-дон!”**»* [Шолохов, 1957, т. 3, с. 334].

И именно с колокольной оказывается связанным предзнаменование бед – войны: «*По ночам **на колокольне** ревел сыч. Зыбкие и страшные висели над хутором крики, а сыч с колокольни перелетал на кладбище <...>, стоял над*

бурыми затравевшими могилами. – Худому быть <...> – Война пристигнет» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 241]. А во второй книге, когда речь идет о безнадежности положения Добровольческой армии, образ колокольни приобретает зловещий смысл мертвечины: «*За окном сухо и четко кричали перелетавшие вороны. Они кружились над белой колокольней, как над падалью*» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 291]. Лексическое окружение в ближнем контексте усугубляет это значение: «*словно тлен тронул*» лицо Каледина, «*город дремно молчал*», не было «*обычного пульса жизни*», гул орудий «*мертвил движение*».

Часовня. В романе «Тихий Дон» неоднократно встречается одиноко стоящая в степи часовня, образ которой также можно рассматривать как художественный концепт. Появившись уже в первом абзаце романа, образ часовни возникает и в окончании второй книги (над могилой Валета). В Словаре языка Михаила Шолохова говорится, что это «*маленький могильный памятник в степи, обычно у дороги, где погиб или умер человек; памятник состоит из деревянного устоя (столба) и “крыши” – двух склоненных, соединенных между собой под углом дощечек, они скреплены перекладиной, на ней часто крепится иконка*» [Словарь языка Михаила Шолохова, 2005, с. 909]. Ср.: «*Чудно все-таки: отъехали от дома сто верст, а народ уж другой. <...> Видишь, вот ворота накрыты тесовой крышей, как часовня. У нас таких нету*» [Шолохов, 1957, т. 4, с. 25]. Одиноко стоящая часовенка порождает и поэтическое сравнение: «*До старости остался дураком (Сергей Платонович Мохов. – Л. Ч.), верил в какую-то хорошую в будущем жизнь, а на самом деле **одинок, как часовня**...*» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 80].

Действительно, речь в романе идет именно о таких степных часовенках, стоящих часто на перекрестках, перепутьях дорог, в степи: «*За поворотом на шляху у перекрестка тонко вырисовывалась остроугольная верхушка часовни*» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 105]. «*На развилке дорог, возле бурой степной часовни, сказала чужим, далеким голосом: “Гриша, прости!”*» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 402]. И как первый вестник родного дома: «*На развилке чукаринской и кружилинской дорог виднелся на фоне сиреневого неба увядший силуэт часовни*» [Шолохов, 1957, т. 4, с. 67]. «*Образ часовни на развилке дорог становится точкой отсчета в духовно значимом пространстве повествования, задавая нравственный вектор оценки происходящего на смутном перекрестке человеческой истории*» [Стюфляева, 2013, с. 321].

Но часовня становится и символом возрождения жизни: «*И еще – в мае бились возле часовни стрепета, выбили в голубом полынке точок, примяли возле зеленый разлив зреющего пырея: бились за самку, за право на жизнь, на любовь, на размножение. А спустя немного тут же возле часовни, под кочкой, под лохматым покровом старюки-полыни, положила самка стрепета девять дымчато-синих крапленых яиц и села на них, грея их теплом своего тела...*» [Шолохов, 1957, т. 3, с. 397].

Этот образ часовни со сходным метафорическим смыслом встречается в тексте романа и раньше, когда Листницкий едет в армию: «*У придорожной канавы лежала пристреленная рыжая лошадь. Задняя нога ее, дико задранная кверху, блестела полустертой подковой. <...> Нога мертвой лошади чернела сзади безголовой часовней*» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 341]. И вдруг «*на лошадь круговиной упал снопик лучей, и нога с плотно прилегшей рыжей шерстью неотразимо зацвела, как некая чудесная безлистная ветвь, окрашенная апельсиновым цветом*» [Шолохов, 1956, т. 2, с. 341]. И вновь в одном образе сливаются смерть и жизнь, утрата и надежда, художественно отображая вечный круговорот жизни.

Заключение

Концептосфера романа необычайно богата, и лишь частично затронутая в статье группа концептов требует более тщательного анализа. По крайней мере очевидно, что важные для такого этнокультурного сообщества, как казачество, концепты, связанные с религией, в тексте Шолохова получают дополнительные смыслы, становясь в определенной степени и художественными символами. Для казачества православие – важнейшая часть этнического сознания, определяющая круговорот жизни, и православная традиция органично включена в художественное повествование. Но религия в жизни казака имеет скорее бытовой характер: соблюдение привычных формул, обрядов, праздников мало соотносится с поистине христианским поведением, потому что основные заповеди не соблюдаются или приспособляются к житейским представлениям. Тем не менее наиболее частотные лексемы, вербализующие концепт *религия*, – *вера, церковь, колокольня, колокольный звон* – играют огромную роль как в характеристике героев, так и в развитии сюжета, служат своеобразными маркерами меняющейся художественной картины мира в романе. Интересно, что в последних главах религиозные концепты практически не встречаются, православная жизнь как будто умерла или вытеснена нарождающимися новыми обычаями и устоями.

Список источников

- Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. 103 с.
- Бирюкова А. В.* Православная картина мира донских казаков в изображении М. А. Шолохова : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2020. 222 с.
- Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64–72.
- Воркачев С. Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. 284 с.
- Карасик В. И.* Культурные концепты: проблема ценностей // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Перемена, 1996. С. 3–16.
- Карасик В. И.* Семиотические типы концептов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 5–11.
- Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. 7-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 296 с.
- Маслова В. А.* Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. М.: ФЛИНТА, 2012. 256 с.
- М. А. Шолохов и православие : сб. ст. о творчестве М. А. Шолохова. М.: К единству!, 2013. 558 с.
- Миллер Л. В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 994 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2007. 250 с.
- Сатарова Л. Г.* «Православный тихий Дон» в творчестве М. А. Шолохова и его предшественников. Липецк: ЛГПУ, 2016. 344 с.
- Сергеева Е. В.* Лексическая экспликация концепта «религия» в русском языке // Политическая лингвистика. 2007. № 2. С. 151–165.
- Словарь языка Михаила Шолохова. М.: Азбуковник, 2005. 964 с.
- Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Стюфляева Н. В. Христианские мотивы в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // М. А. Шолохов и православие: сб. ст. о творчестве М. А. Шолохова. М.: К единству!, 2013. С. 313–345.

Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. М.: ФЛИНТА, 2017. 196 с.

Тарасова И. А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 742–745.

Чалова А. П. Система христианских мотивов в художественном мире «Тихого Дона» М. А. Шолохова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2007. 21 с.

Шолохов М. А. Тихий Дон: роман: в 4 кн. // Собр. соч.: в 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956–1960. Т. 2, кн. 1. 1956. 414 с.

Шолохов М. А. Тихий Дон: роман: в 4 кн. // Собр. соч.: в 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956–1960. Т. 3, кн. 2. 1957. 392 с.

Шолохов М. А. Тихий Дон: роман: в 4 кн. // Собр. соч.: в 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956–1960. Т. 4, кн. 3. 1957. 443 с.

Шолохов М. А. Тихий Дон: роман: в 4 кн. // Собр. соч.: в 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956–1960. Т. 5, кн. 4. 1957. 504 с.

References

Babushkin A. P. (1996). *Types of the concept in lexical-phraseological semantics of the language*. Voronezh, Voronezh State University, 103 p. (In Russian).

Biriukova A.V. (2020). *Orthodox world view of the Don kozaks depicted by M.A. Sholokhov*. Dissertation Thesis. Rostov-on-Don, 222 p. (In Russian).

Chalova A.P. (2007). *System of Orthodox tones in fiction word of “And Quiet Flows on Don” by M.A. Sholokhov*. Dissertation Thesis. Surgut, 21 p. (In Russian).

Karasik V. I. (1996). Cultural concepts: the problem of values. *Language personality: cultural concepts*. Volgograd, Break, pp. 3-16. (In Russian).

Karasik V.I. (2012). Semiotic types of concepts. *Questions on Cognitive Linguistics*, no. 4, pp. 5-11. (In Russian).

Maslova V.A. (2016). *Introduction to cognitive linguistics*. Teaching Manual. 7th ed. Moscow, FLINTA, 296 p. (In Russian).

Maslova V.A. (2012). *Poet and culture: conceptual sphere of M. Tsvetaeva*. Moscow, FLINTA, 296 p. (In Russian).

M.A. Sholokhov and orthodoxy (2013): a collection of works on M.A. Sholokhov's works. Moscow, To the unity!, 558 p. (In Russian).

Miller L.V. (2000). Fiction concept as a sense and aesthetics category. *The World of Russian Word*, no. 4, pp. 39-45. (In Russian).

M. Sholokhov's language dictionary (2005). Moscow, Alphabet Writer, 964 p. (In Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. (1999). *Explanatory dictionary of the Russian language*. 4th ed. Moscow, Alphabet Writer, 994 p. (In Russian).

Popova Z.D., Sternin I.A. (2007). *Semantical-cognitive analysis of the language*. 2nd ed. Voronezh, Voronezh State University, 250 p. (In Russian).

Satarova L.G. (2016). *“Orthodox Quiet Flows on Don” in works of M.A. Sholokhov and his ancestors*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University, 344 p. (In Russian).

Sergeeva E.V. (2007). Lexical explication of the concept “religion” in the Russian language. *Political Linguistics*, no. 2, pp. 151-165. (In Russian).

Sholokhov M.A. (1956). *And Quiet Flows on Don: novel in 4 books*. *Collection of works*: in 8 vols. Moscow, State Fiction Publishing, 1956-1960. Vol. 2, book 1, 414 p. (In Russian).

Sholokhov M.A. (1957). *And Quiet Flows on Don: novel in 4 books*. *Collection of works*: in 8 vols. Moscow, State Fiction Publishing, 1956-1960. Vol. 3, book 2, 392 p. (In Russian).

Sholokhov M.A. (1957). *And Quiet Flows on Don: novel in 4 books. Collection of works*: in 8 vols. Moscow, State Fiction Publishing, 1956-1960. Vol. 4, book 3, 443 p. (In Russian).

Sholokhov M.A. (1957). *And Quiet Flows on Don: novel in 4 books. Collection of works*: in 8 vols. Moscow, State Fiction Publishing, 1956-1960. Vol. 5, book 4, 504 p. (In Russian).

Stepanov Iu. S. (1997). *Constants: Russian culture dictionary*. Moscow, Languages of the Russian culture, 824 p. (In Russian).

Stiuflyayeva N.V. (2013). Orthodox motives in the novel of M.A. Sholokhov "And Quiet Flows on Don." *M.A. Sholokhov and orthodoxy: a collection of works on M.A. Sholokhov's works*. Moscow, To the unity!, pp. 313-345. (In Russian).

Tarasova I.A. (2010). Fiction concept: the dialogue of linguistics and literature studies. *Bulletin of N.I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod University*, no. 4 (2), pp. 742-745. (In Russian).

Tarasova I.A. (2017). *Poetical individual style in cognitive aspect*. Moscow, FLINTA, 196 p. (In Russian).

Vorkachev S.G. (2001). Cultural linguistics course, concept: establishing of anthropocentrism paradigm in linguistics. *Philology*, no. 1, pp. 64-72. (In Russian).

Vorkachev S.G. (2007). *Love as cultural-linguistics concept*. Moscow, Gnosis, 284 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Чапаева Любовь Георгиевна – докт. филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания, lg4@mail.ru

Information about the Author

Lubov G. Chapaeva – Ph.D. in Philology, professor, professor of the Department of General Linguistics, lg4@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 21.06.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 21.06.2024; accepted for publication 21.06.2024.